

Полина ЗОЛИНА
(Брно)

Трамвай как метафора нового времени в контексте русской литературы начала XX века

Tram as a Metaphor for a New Time in the Context of Russian Literature of the Early 20th Century

The article discusses the motive of tram as a key to Russian literature of the twentieth century. The tram is part of the urban landscape, but at the same time in Russian culture it gradually became the symbol of the new era, it acquired of the tragic connotations, associated with death and began to have a fatal significance. In the article we focused on the texts with this concept and tried to define its specificity.

Key words: concept; tram; early 20th century; fate; comparative description; semantic; death

В начале XX века трамвай врывается в русскую литературу на стремительных скоростях. Он становится не только принципиальным знаком нового времени, но и обрастает мистическими и апокалиптическими смыслами, которые были присущи самому времени. Время, полное механизации и ускорения, строгой («рельсовой») векторности и обесценивания жизни, время эксперимента и вызова, пронзительно точно концентрируется в данном образе. Трамвай в литературе стано-

вится не только излюбленным местом действия для разыгрывания ключевых сцен в тексте («Мастер и Маргарита» М. Булгаков), но и оказывается самостоятельным фатальным образом с глубоко эсхатологическими приметам («Заблудившийся трамвай» Н. Гумилёва).

Рассматривая данный аспект, филологические исследования чаще всего касаются именно упомянутых выше текстов Гумилёва и Булгакова, где, главным образом, исследователи осуществляют попытку интерпретации образа трамвая в разных парадигмах (часто коррелирующих между собой). Потому в данной статье для нас будет важнее коснуться иных примеров использования этого мотива в литературе начала XX века, выявить некоторую их специфику и попытаться определить общие принципы, отражающие особенности рецепции момента и исторического контекста авторами того времени.

«Помни о колёсах!» – знаменитый плакат начала века (с изображением железного колеса и мертвеца, выглядывающего из-под него) с надписью «В 1925 году под трамваем пострадало 200 человек» – наглядно демонстрирует насколько серьёзно воспринималось современниками данное транспортное средство и его опасность. Новое время, с его перекраиванием света, с потрясшей мир Первой мировой войной, с послевоенными кризисами и надвигающейся второй мировой войной, бескомпромиссно перемальвало жизни, но оно же и поражало изысканностью и дерзостью нового искусства и философии, новыми скоростями, завораживающими изобретениями и идеями. Трамвай, по сути, делал то же самое – восхищал техническим совершенством, удивлял удобством скорости и, не менее хладнокровно, с какой-то фатальной предрещённостью переезжал чьи-то жизни. Возможно, именно это объясняет тот факт, что трамвай в литературе становится одним из наиболее используемых мотивов – оказавшись формально приметой времени, он одновременно становится и его метафорой, совпав со временем, он впитывает его черты (или так, по крайней мере, закрепляется в сознании).

Трамвай очаровывает, приковывает взгляд (например, предстаёт освещённый, проплывающий, как рыба в аквариуме (рассказ «Уста к устам» В. Набоков), или пускает по проводам искру – лазурную звезду (рассказ «Катастрофа» В. Набоков), или в открытом вагоне везёт

духовой оркестр ранним свежим воскресным утром в дачный посёлок (А. Каплер «Воспоминания о Вере Холодной») и т. д.), но одновременно неотделимо связывается со смертью, с фатумом, роком («заблудившийся трамвай» в этом ряду может рассматриваться как апофеоз данной метафоры, предельное её воплощение – апокалиптический конь, летучий голландец, лодка Харона, стремительно летящая через царство живых и мёртвых, где «вместо капусты и вместо брюквы мёртвые головы продают».)

В. Набоков (а точнее В. Сирич, т. к. речь, главным образом, идёт о русскоязычном периоде), для героев которого вообще типично оказываться в ситуации передвижения по разного рода рельсам и железным дорогам, тесно переплетает мотивы трамвая и смерти.

Герой рассказа «Катастрофа» Марк Штадфусс именно из трамвая роковым образом соскакивает под колёса омнибуса. В романе «Король, дама, валет», когда Франц хочет загадать по номеру (чёт/нечёт) – умрёт ли Марта, трамвай с безжалостной набоковской иронией проезжает без номера и с заколоченными окнами. Загадывает и герой рассказа «Подлец» Антон Пертович в ночь перед дуэлью, «что если досчитает до трёх, и проедет трамвай, он будет убит, и так оно и случилось – прошёл трамвай», и хотя герой в рассказе убит не будет, но развязка тоже крайне некрасива. Последняя поездка в жизни шахматиста Лужина («Защита Лужина») также происходит на трамвае, на котором он возвращался домой, чтобы совершить самоубийство. Прямо перед тем, как стрелять в свою жену из револьвера упоминает трамвай герой рассказа «Случай из жизни» Павел Романович. В «Сказке» женщина-чорт предлагает продемонстрировать свою чёрную силу с помощью трамвая: «Видите, вон там через улицу переходит господин в черепаховых очках. Пускай на него наскочит трамвай». (Стоит вспомнить предположения, что именно эта сцена легла в основу знаменитого момента булгаковского романа, хотя, вероятнее всего, обе эти сцены (об этом упоминает В. Курицын в «Набокове без Лолиты»¹) восходят к подобному эпизоду из рассказа

[43]

1 КУРИЦЫН, В.: *Набоков без Лолиты: Путеводитель с картами, картинками и заданиями*. Москва: Новое издательство, 2013. С. 53.

Куприна «Звезда Соломона»). В романе «Дар» Яша Чернышевский и двое его друзей едут на 57-м номере трамвая в Груневальдский лес застрелиться, и Яша там погибает. В романе «Король, дама, валет» происходит авария с участием трамвая номер 73, которая и подкажет Марте и Францу, как удобнее всего избавиться от «лишнего» Драйера.

Для русской литературы, наверное, именно в творчестве В. Набокова наиболее широко представлена палитра подобных сцен, втягивающий в единую парадигму смерть и трамвай, где трамваю отдаётся роль смертоносного фатума, прекрасного в своём техническом совершенстве, но пугающего своей неумолимостью, силой. Вероятно, это в большой степени связано с глубокой вписанностью трамвая в берлинский пейзаж, где и создавались набоковские (сиринские) тексты.

Именно в Берлине в 1923 году готовит публикацию своего «Сентиментального путешествия» В. Шкловский, и там автор меняет в тексте черновика фрагмент, касающийся его будущей смерти на Невском проспекте: «теперь место предполагаемой смерти изменено: я умру в летучем гробу ундергрунда».

В те же 20-е годы связь трамвая и смерти, полной экзистенциальной безысходности подчёркивает Б. Поплавский (тоже, между прочем, в 1922 году проведший несколько месяцев в Берлине), – «Жалость к Европе»:

Европа, Европа, сады твои полны народу,
Читает газету Офелия в белом такси,
А Гамлет в трамвае мечтает уйти на свободу,
Упав под колёса с улыбкой смертельной тоски.

Смерть рассматривается здесь как избавление, которое могут принести именно железные колёса, прокатываясь по истории, по теням культуры, по сомнениям и главным «проклятым» вопросам, дав на всё один точный и безапелляционный ответ. Толпы народу, душная Европа, время, наваливающееся своей тяжестью – удобнее быть добровольно раздавленным (колёсами трамвая или колёсами времени?), и так обрести свободу.

Уже упомянутая выше купринская «Звезда Соломона» (1917 г.) описывает – в более реалистичном ключе, но с не менее пронзительной

неотвратимостью – фатальную связь мотивов трамвая и смерти (путь от появления участников трагического события до предсказуемой, но остающейся неожиданной и резкой развязки²). Здесь важно появление наблюдателя, взгляда со стороны: способность отследить момент приближение фатума, предсказать роковые события, но всё равно удивиться им, почувствовать происходящее рядом, прожить его как личный опыт.

В тексте Саши Чёрного «Пуцца-Водица» (1911 г.), задорном и полном звенящей энергией, чудесным образом передаётся стремительное движение трамвая посредством эффекта быстро меняющихся картинок за окном – ощущения бега самой жизни, где в обзоре равноположены самые различные предметы, на которых, независимо от значимости предмета, взгляд задерживается одинаково недолго, т. к. продолжительность этого взгляда предопределена самим движением вагона, вихрем жизни. Но и здесь есть момент, прерывающий бойкое движение:

[45]

2 «Из Европейской гостиницы он вышел довольно поздно... По Александровской улице сверху бежал трамвай, выбрасывая из-под колес трескучие снопы фиолетовых и зеленых искр. Описав кривую, он уже приближался к углу Бульварной. Какая-то пожилая дама, ведя за руку девочку лет шести, переходила через Александровскую улицу, и Цвет подумал: „Вот сейчас она обернется на трамвай, замнется на секунду и, опоздав, побежит через рельсы. Что за дикая привычка у всех женщин непременно дожидаться последнего момента и в самое неудобное мгновение броситься наперерез лошади или вагону. Как будто они нарочно испытывают судьбу или играют со смертью. И, вероятно, это происходит у них только от трусости“. Так и вышло. Дама увидела быстро несущийся трамвай и растерянно заметалась то вперед, то назад. В самую последнюю долю секунды ребенок оказался мудрее взрослого своим звериным инстинктом. Девочка выдернула ручонку и отскочила назад. Пожилая дама, вздев руки вверх, обернулась и рванулась к ребенку. В этот момент трамвай налетел на нее и сшиб с ног. Цвет в полной мере пережил и перечувствовал все, что было в эти секунды с дамой: торопливость, растерянность, беспомощность, ужас. Вместе с ней – издали, внутренне – суетился, терялся, совался вперед и назад и, наконец, упал между рельс, оглушенный ударом». <http://orel.rsl.ru/nettext/russian/kuprin/solomon.htm>.

...Зачастил густой орешник,
Бор и рыженький дубняк,
И в груди сатир насмешник
Окончательно размяк...
Солнце, птички, лавки, дачки,
Милovidные солдаты,
Незнакомые собачки
И весенний вихрь крылатый!
Ток гнусавил, как волчок,
Мысли – божие коровки –
Уползли куда-то вбок...
У последней остановки
Разбудил крутой толчок...

Резкое пробуждение от полёта – то ли конец дороги, то ли выход из счастливого сна, который всегда неожиданен и, кажется, всегда неизбежен.

[46]

У Н. Островского в романе «Как закалялась сталь» (1932 г.) трамвай появляется если не в прямой связи с темой смерти, но в очевидном «неживом» контексте, полном усталости, тягучей опустошённости: «Полночь. Уже давно проволоч своё разбитое туловище последний трамвай. Луна залила неживым светом подоконник. Голубоватым покрывалом лёг луч её на кровать, отдавая полутьме остальную часть комнаты».³ Трамвай представляет собой одушевлённое, но крайне утомлённое, измученное работой или самой жизнью существо и в парадигме общего описания воспринимается вполне мрачно и даже трагично.

Одушевлённым предстаёт и трамвай у В. Набокова в «Путеводителе по Берлину», где (один из немногих в его творчестве, исключительных примеров недраматического использования данного образа) подчёркивается мужская, маскулидная суть главного трамвайного вагона: «На конечной станции передний вагон отцепляется, переходит на другие рельсы, обходит оставшийся, возвращается стыла, – и есть что-то вроде покорного ожидания самки в том, как второй вагон ждет, чтобы

3 http://lib.ru/RUSSLIT/OSTROWSKIJ/kak_zakalyalas_stal.txt

первый, мужеский, кидая вверх легкое трескучее пламя, снова подкатил бы, прицепился».⁴

Но если вернуться к тексту Н. Островского, то трамваи в упомянутом романе не только вызывают человеческое сочувствие, но и связаны, по-своему, с вполне реальными неприятностями для героев: именно Управлением трамвая создано уголовное дело на Дмитрия, когда он «со своей бригадой силой задержал все трамвайные площадки, идущие из Пуши-Водицы в город. Высадив пассажиров, он нагрузил платформы рельсами для узкоколейки. Привезли девятнадцать площадок по городской линии к вокзалу. Трамвайщики помогли всюю. [...] Дмитрий рассказал о безобразной волоките и бюрократизме в Управлении трамвая».⁵

Так или иначе, трамвай – вполне бытовой мирный городской транспорт, который даже часто используется как персонаж детских текстов (О. Мандельштам: «Жили в парке два трамвая: \ Клик и Трам. \ Выходили они вместе \ По утрам». 1924–1925 гг.), многократно появляется в литературе и в контексте военных событий, он наполняется солдатами или оружием (О. Мандельштам, «Как по улицам Киева-Вия...»: Уходили с последним трамваем \ Прямо за город красноармейцы, \ И шинель прокричала сырая: \ «Мы вернемся еще – разумеете...» 1937 г.; М. Булгаков: «На перекрестке у оперного театра кипела суета и движение. Прямо посредине на трамвайном пути стоял пулемет, охраняемый маленьким иззябшим кадетом, в черной шинели и наушниках, и юнкером в сером. Прохожие, как мухи, кучками лепились по тротуару, любопытно глядя на пулемет».⁶ 1924 г.; «Архив русской революции»: «Деникинцы приближаются и большевики, без сомнения, эвакуируются. На Прорезной находится военнарком и по ночам слышно, как из него что-то выносят. Даже днем около него стоят вагоны трамвая, которые нагружают полными мешками».⁷ и др.).

4 <http://nabokov.niv.ru/nabokov/rasskaz/putevoditel-po-berlinu.htm>.

5 http://lib.ru/RUSSLIT/OSTROWSKIJ/kak_zakalyalas_stal.txt.

6 <http://lib.ru/BULGAKOW/whtguard.txt>.

7 *Архив русской революции*. Т. 15, Берлин, 1924, с. 209–253.

Таким образом, даже та малая часть возможных примеров, которые мы затронули в статье, достаточно наглядно демонстрирует мысль о том, что трамвай как примета нового времени становится практически неотъемлемой частью текста начала века, описывающую современность. Это не только важная деталь «нового» пейзажа, но и, в большой степени, метафора нового времени, повторяющая его контур, проявляющая схожие со временем черты – стремительность и неумолимость, одушевлённость и бездушность одновременно, провоцирующая мысли о фатуме и случайности, о детской легкомысленности и трагической тяжести, об игре и войне.

С самого начала XX века в литературной и культурной традиции трамвай становится, в некотором роде, душой пространства, его принципиальной характеристикой. Не случайно, на одном из семинаров по современной поэзии в 2006 году в Нижегородском университете им. Лобачевского к. филол. н., доц. каф. русской литературы Е. Е. Прошин, анализируя один из современных текстов (к сожалению, автора текста не удалось сегодня восстановить), описывающих одной строкой ситуацию, где в городе начал ездить новый троллейбус, и нет ни одного трамвая, обращает внимание на то, что данный текст говорит о прогрессе, о попытке «жить со временем», но и о том, что там, однако, нет «настоящей души». То есть наличие трамвая в городе приравнивается к наличию души, живого творческого контекста, вдохновляющего концепта.

Также неслучайно появление в 1999 году статьи Е. Свитнева⁸ о поэзии Д. Воденникова с названием «Преодоление трамвая». То есть трамвай здесь рассматривается как определённая литературная традиция, определённый литературный «принцип», который новая поэзия должна преодолеть.

Именно потребность в «преодолении трамвая» в современном контексте, говорит о том, что анализируемый мотив становится не просто ярким литературным образом, но серьёзным экзистенциальным концептом, который, в своём зарождении в литературном пространстве начала века был практически неотделим от экзистенциальных же концептов смерти и времени.

8 <http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/VODENNIKOV/about/about-6.html>.